

УДК 1: 316. 4

О ЛЕГИТИМАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

С.В. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Представлено социально-философское рассмотрение некоторых важных аспектов легитимационных практик в контексте модернизационных процессов. Социальная модернизация понимается в широком смысле как становление и развитие техногенного общества, акцентируется связь данных процессов с утверждением в общественном сознании рефлексивного отношения к традициям. Практики легитимации трактуются как важный механизм в конституировании и воспроизводстве социальной реальности. В этом контексте затрагивается проблема воздействия ново-европейской науки и процессов рационализации на жизненный мир и легитимационные практики в социуме.

***Ключевые слова:** модернизационные процессы, проект модерна, рациональность и рационализация, жизненный мир, легитимационные практики.*

Развернувшиеся с начала Нового времени на Западе и постепенно охватившие и другие регионы мира модернизационные процессы означали кардинальные трансформации как потестарно-политической и хозяйственно-экономической сфер жизни общества, так и основополагающих структур жизненного мира, повседневности. Общеизвестно, что на Западе так называемый «проект модерна» был подготовлен естественно-исторически в контексте трех фундаментальных духовных переворотов – Ренессанса, Реформации и Просвещения. В других регионах догоняющая, рецидивирующая модернизация явилась ответом на «вызов Запада», суть которого «проявляется в необходимости всем странам реагировать на его существование путем изменений, ускоренного развития, даже независимо от того, понуждает он их к этому или нет» [6, с. 127].

Так или иначе, означая разрыв со многими установками и ценностями, на основе которых функционирует, воспроизводится и самолегитимизируется традиционное общество, модернизационные стратегии зачастую актуализируют харизматические и популистские механизмы легитимации. При этом важны не только харизматические личности, но также идеи, обладающие значительным мобилизующим потенциалом и способные находить отклик у целых сообществ. Входя в мысли и чувства людей, подобные идеи могут формировать индивидуальные и коллективные практики, «скреплять» и даже «простраивать» пространство взаимодействий. Совершенно справедливым в данной связи представляется утверждение, что «власть возникает не только тогда, когда группа людей кем-то управляется, но также когда эта группа организуется, заряжается волей

и тем самым становится способной добиваться чего-то для себя. Здесь проявляется... возможность доселе неорганизованной, но осознающей себя группе (или слою) идентифицироваться и решиться действовать открыто ради новоприобретенной цели» (Б. Фей, цит. по: [2, с. 39]).

В качестве мотивирующего, «мобилизационного» фактора в таком случае могут выступать как религиозные идеи (как известно, в Европе раннего Нового времени многие социальные движения были вдохновлены идеями Реформации, широко известно влияние протестантской религиозности на этос западного капитализма [3, с. 61–272]), так и различные светские идеологии (часто революционные, причем, как националистически, так и интернационалистически ориентированные). Но действие харизматических факторов, являясь нередко и весьма неоднозначным, не может быть длительным в исторической перспективе: харизматические импульсы рано или поздно затухают и новый порядок утверждается лишь в том случае, если таковые (харизматические импульсы) подвергаются рутинизации, а формирующийся порядок «привычивается» и даже традиционализуется. В «устоявшемся» обществе легитимность устанавливается прежде всего в соотнесенности социальных «порядков», осуществляемых в связи с ними стратегий, практик с жизненным миром, т. е. передаваемыми через культурную традицию запасами значений и сферой повседневности.

Имея в виду общества, для которых характерна догоняющая, рецидивирующая модернизация, следует отметить, что таковая (при общей ее ориентации на научные, технологические, организационные достижения Запада) может осуществляться и на фоне активного противопоставления заявляемых целей общественного развития «западному образу жизни», ценностям. Так, например, коммунизм, в качестве теоретической концепции оформившийся на Западе, в модусе своей реальной практики, реальных режимов может быть понимаем и как незападный тип модернизации. В данном контексте для нас важно то, что при всей специфичности этого пути вряд ли следует его считать выпадающим за концептуально-метафизические рамки проекта модерна вообще. Скорее он является не столько преодолением, сколько радикализацией данного проекта в условиях общества с господствующей в народе традиционной культурой.

Под проектом модерна обычно понимают одновременно и совокупность идей, концепций, выражающих дух, основные ценности, идеалы, устремления динамически развивающегося, обращенного в будущее общества модерна, и сам процесс социального развития с начала Нового времени, в ходе которого обретает реальность новая динамичная социальная структура, способная обеспечивать осуществление целей расширенного социального воспроизводства. При этом, имея в виду концептуально-мировоззренческие основания «современного Запада», о самом проекте, вероятно, следует говорить все-таки в определенном смысле метафорически: хотя новый социальный порядок складывался «не толь-

ко естественным ходом событий, но и усилиями людей», в целом следует акцентировать именно «органическое, естественно вырастающее из жизни общества» становление социального порядка на Западе [10, с. 7].

Метафора проекта в данном случае акцентирует тот факт, что речь идет о становлении принципиально новой, посттрадиционной (что не есть абсолютное устранение традиций как таковых) направленности социального развития, стремящейся себя так или иначе легитимировать средствами научных и философских дискурсов (причем в таком их понимании, которое претендует на универсальный, всеобъемлющий характер и смысл). Эти дискурсы, внося свой вклад в обоснование соответствующих социальных, экономических, политических, правовых структур, играют важную роль в их конституировании, воспроизводстве (но при этом и сами интегрированы в определенный духовно-смысловой, культурный универсум и лишь в этой интегрированности и способны органично выполнять свои функции).

Наличие устойчивого круга идей, представлений, систем значений, выступающих как нечто «само собой разумеющееся» и в этом виде составляющих основу жизненного мира, повседневности индивидов, является необходимым условием утверждения и устойчивого функционирования и воспроизводства всякого социального порядка. И динамизированные общества современности не являются исключением. «Присущий Западу органически-инновационный тип развития превращает наличие инноваций, особенно технологических, в новую традицию, которая воспроизводится. Люди имеют здесь достаточно очевидное чувство реальности как данности. ...Общее чувство реальности достигается тем, что в ней имеется пласт само собой разумеющегося знания, социальной признанности» [11, с. 446]. Основополагающие смыслы и значения, сформировавшиеся в контексте новоевропейского проекта, выражая дух общества и эпохи и будучи «опривычены» сознаниями индивидов, стали органической частью их жизненного мира, так или иначе реализуясь, в том числе и на уровне повседневных практик, обеспечивающих перманентное воспроизводство соответствующей социальной структуры.

Разумеется, вектор посттрадиционного развития не означает, что традиции как таковые исчезают, теряют какую-либо роль в индивидуальной и общественной жизни (фиктивность подобного представления очевидна). Речь идет об изменении отношения к ним в условиях динамизированного, постоянно себя «осовременивающего» общества. Традиции здесь постепенно все более дереифицируются: обнаруживая свою «сделанность», они предстают не как укорененные в самой «природе вещей», а как конституируемые и обновляемые в человеческих взаимодействиях. Осознаваемые в таком своем качестве, традиции объективно не перестают быть реалиями, так или иначе задающими горизонт индивидуальных и коллективных практик, но при этом они становятся предметом все более рефлексивного отношения. Как отмечает в данной свя-

зи Ю. Хабермас, в эпоху модерна «отношение ко всему исторически унаследованному было рефлексивно прервано. Все глубже и глубже в сознание людей проникала мысль, что традиции, столь еще почитаемые, не есть нечто естественно выросшее; они ждут, чтобы их проверили, приобщились к ним и выборочно их продолжили» [12, с. 87].

Важнейшим фактором, влияющим на горизонт легитимационных дискурсов и стратегий, осуществляемых в различных сферах социального бытия, в обществе модерна становится наука. Это следует связать с открывающимися и осознаваемыми возможностями научного знания, его прагматически-технологических применений (не только объяснять и предсказывать, но также контролировать, преобразовывать различные сферы сущего). Апология активистской установки в обществе, вставшем на путь техногенного развития, сопряжена с культом научного знания, служащего целям эффективного действия. «Отныне различные сферы культуры обретают автономию, но при этом испытывают сильнейшее, постоянно нарастающее воздействие со стороны науки и ее спутника – техники» [5, с. 510]. Утверждая себя в качестве рациональной, конструктивной и эмансипирующей силы, бурно развивающаяся опытно-экспериментальная и теоретическая наука, параллельно стимулирует утверждение в массовом сознании прогрессистски-рационалистических установок. В этом контексте завершенное оформление получает образ классический рациональности с ее представлением об универсальном *ratio*, притязающем на постижение мира в его объективно-сущностном измерении и обоснование в финальной инстанции всей системы человеческой жизнедеятельности.

Последующий опыт социокультурного развития превратит подобные мировоззренческие установки в предмет настойчивых критических рефлексий, в значительной степени проблематизирует и релятивизирует их. Это произойдет на фоне осознания подвижности, трансформируемости форм рациональности, их соотносительности с определенными системами мышления и деятельности, рассматриваемыми в их включенности в культурно-исторический и социальный контекст. Открытие неизбежной предпосылочности всех возможных форм мышления, их социокультурной нагруженности будет сопряжено в том числе и с осознанием «невозможности безусловного “научного” оправдания практической позиции – кроме того случая, когда обсуждаются средства достижения заранее намеченной цели» [3, с. 725]. Поэтому в постклассическом дискурсе особую остроту и значимость приобретает рефлексия над процессами инструментализации и формализации *ratio*, противоречивого взаимодействия данных процессов с процессами на уровне базовых структур жизненного мира.

Общим местом уже стало утверждение о том, что новоевропейская наука, взятая в контексте своих прагматически-технологических приложений, выстраивает определенный порядок бытия в режиме фор-

мальной рациональности (калькуляция, упорядочение, систематизация, схематизация) и инструментального разума (быть средством целедостижения, «покорения мира»). Представая важнейшим средством концептуальной разработки и обоснования определенных стратегий, «политик» в современном обществе и будучи сама глубочайшим образом интегрирована в структуры этого общества, наука предоставляет свой теоретический дискурс, экспертные ресурсы, технологии и т. п., в то время как глобальные цели (в том числе и применения самой науки) обычно задаются на экстернальном, «внешнеопределяющем» для нее уровне, т. е. на уровне запросов социума, доминирующих в нем групп, политической и культурной элиты, сложившейся социокультурной традиции и т. п. При этом по мере возрастания реальных возможностей и авторитета науки, ее превращения в один из основополагающих, влиятельнейших для культуры и общества социальных институтов, аккумулирующих в себе символический капитал, социальный престиж, она становится и своего рода средством «освящения» определенных социально-политических дискурсов и практик. Дело в том, что массовое сознание склонно воспринимать Научное Обоснование как Сущностное, т. е. как такое, которое подразумевает апелляцию к самым «настоящим», «подлинным» причинам и основаниям, к тому, как есть «на самом деле». При этом научные концепции могут использоваться «ненаучным образом»: получая «расширительное» толкование, они могут быть парадоксальным, на первый взгляд, образом задействованы в качестве своего рода реифицирующего фактора, утверждающего легитимность конкретного социально-политического порядка как соответствующего «естественному порядку вещей», «природе человека». Вообще, как показал М. Фуко, структуры развивающегося в эпоху модерна знания объективно оказываются соотношенными с формирующимися структурами дисциплинарного общества, более того, включенными в продуцирование и теоретическое обоснование соответствующих социально-властных технологий, нацеленных на оптимизацию функционирования всех сегментов социального тела и применяемых от пенитенциарной системы до систем здравоохранения и образования.

Следует отметить, что наука как специфическая исследовательская деятельность и система знания предстает в качестве важнейшего концептуального механизма разработки содержания символического универсума общества, его жизненного мира [1, с. 183], что сопряжено с прогрессирующей рационализацией таковых.

Кардинально изменяя многие каноны познания, обоснования и деятельности, наука в тоже время сама неизбежно оказывается подвержена той или иной степени властной регламентации, как в связи с действием собственно властно-политических (макрополитических) факторов, так и на уровне основополагающих социокультурных структур, механизмов, далеко не всегда фиксируемых и осознаваемых, но независимо от

этого (а часто именно благодаря этому) так или иначе регламентирующих активность всякого социального субъекта, направляющих ее в некое русло. В данной связи имеется в виду в первую очередь своего рода «анонимная власть социальности», реализующаяся прежде всего через интериоризацию определенных социокультурных образцов, ценностей, норм, систем значений, укореняющихся на уровне базовых установок и представлений социальных субъектов и в таком виде определяющих структуру их intersubъективного жизненного мира. Жизненный мир есть фон и одновременно подвижный горизонт любых интерпретаций универсума, осуществляемых в социуме. Очевидно, что это не может в той или иной степени не влиять и на постановку проблем, способы их рассмотрения в научной деятельности и как уже было отмечено, часто независимо от степени отрефлексированности познающим субъектом действия данных «жизненно-мировых», социокультурных факторов. (В данной связи можно указать и на то, что М. Вебер обозначал в качестве «интереса эпохи»: находясь «за спиной» ученого, составляя задний план его деятельности, «интерес эпохи» направляет исследовательский интерес ученого в определенное русло (см. напр.: [3, с. 359–360, 368–369]).)

Факт осознания и рефлексивной проработки детерминирующего воздействия факторов, связанных с социальными и культурными реалиями, стимулируя и актуализируя стратегии рефлексивного самоопределения по отношению к таковым, может оказывать модифицирующее влияние на наличную структуру осуществляемых субъектами практик, взаимодействий (что, в свою очередь, может быть в рамках разных философских, идеологических традиций, в зависимости от их ценностных, мировоззренческих установок квалифицировано и как факт благотворной эмансипации человеческого разума, и как факт «достойного сожаления нигилизма»). Нередко в этой связи речь может идти и о подходах в духе «социальной прагматики», «политической целесообразности», задействующих в том числе и своего рода идеологические стратегии «двойных стандартов», классический, парадигмальный образ которых представлен еще в платоновском «Государстве» с его царями-философами и их благотворной ложью. Более близкий к нам «Трактат по общей социологии» (и его сокращенный вариант – «Компендиум») Вильфредо Парето, где автор, в частности, акцентирует нетождественность логико-экспериментальной значимости определенных теорий, представлений и их социальной полезности (более того, для итальянского ученого это совершенно разные вещи, которые не только могут не совпадать, но и чаще противоречат друг другу (см. напр.: [9, с. 249, 256–257])). Согласно А.Б. Гофману, Парето, полагая, что объяснение истинных оснований социального устройства опасно, разрушительно для самих этих оснований, «с присущим ему снобизмом писал, что если бы он думал, что его “Трактат” будет доступен многим читателям, то он бы его не написал» [4, с. 194].

Имея в виду всю специфичность (и неоднозначность) подобных рассуждений («политика специализированная кухня»), нельзя не признать, что в данном случае затрагивается весьма существенная проблема. Суть дела не только в механизмах, блокирующих «развенчивание» конкретной власти и ее носителей. Социальный организм как функциональная система, настроенная на самовоспроизводство, обнаруживает в себе определенные черты как «открытости», так и «закрытости». Различая себя с окружающей средой, имея определенные формы и механизмы самореференции [8, с. 194–218], такая система подразумевает и наличие механизмов самозащиты, блокирующих разрушительные тенденции, в том числе блокирующих делегитимирующие дискурсы и практики, несовместимые с ее воспроизводством как целого (ничем неограниченный дух критики может оборачиваться здесь развенчиванием «наличного бытия»). Но в случае абсолютизации, целенаправленного «выпячивания» данных механизмов не чревато ли это «закрытостью» социума, когда монополизированные, действующие в «монологическом» режиме властно-политические структуры и механизмы интеграции социума стагнируют его развитие?

Безусловно, системное видение социума обладает значительной актуальностью и теоретическим потенциалом. При этом не менее важно отметить и то, что оно может быть сознательно воспринято и использовано в качестве способа легитимации определенных социальных и политических реалий, практик (например, легитимация ситуации «статускво») и быть включенным «в программирование общественного целого как простое орудие оптимизации достижений» [7, с. 38]. Это еще раз побуждает обратить внимание на сложный режим обратной связи, зависимости между нашими идеями, представлениями, концептуализациями социальной реальности и самой этой реальностью, который (режим обратной связи) осуществляется прежде всего через практики, получающие распространение, легитимируемые в социуме и приобретающие в нем системообразующий характер. А так как степень «адекватности», соответствия концепции и концептуализируемой реальности имеет тенденцию быть устанавливаемой в ходе социальной практики, то «истинность» социальных теорий приобретает выраженный прагматистский характер: насколько результативным, эффективным оказывается осуществляемое на их основе действие, насколько они (теории, концепции) помогают в полагании и осуществлении стратегических целей (и в этом смысле насколько они «прогибают» реальность под себя, трансформируют в соответствии со своей логикой). Но в таком случае речь идет не столько об «истинности», сколько о «технологичности» определенных концептуализаций социальной реальности. Неудивительно, особенно имея в виду характеристику научно-технологически ориентированного разума как «исчислительного» (А. Макинтайр), что на уровне общей стратегической перспективы, ее определения ценностно-

мировоззренческий фактор оказывается не только не элиминируемым, но даже неминуемо предстает одним из базовых, фундаментальных. Сами стратегии общественного функционирования и развития легитимируют себя прежде всего теми основополагающими принципами, на которых они строятся, которые являются для них системообразующими.

Показательно, например, что концептуальные ресурсы, сопряженные с видением общества как целостного образования, функционирующего по определенным законам, могут быть востребованы и помещены в контекст дискурсов и практик, направленных на тотальную рационализацию и систематизацию социального бытия (что ввиду обеспечения целей расширенного социального воспроизводства, оптимизации функционирования социума подразумевает развитие структур «дисциплинарной власти», нормирования и контроля). Но одновременно концептуальный потенциал, связанный с трактовкой общества как целостного «социального организма», вполне гармонично может быть помещаем и в контекст консервативных и неоконсервативных дискурсов и практик, акцентирующих органичность, естественность функционирования и развития социума (общество как «спонтанные порядки») и при этом необходимость систематически осуществляемой политики по охране его социокультурных ресурсов (традиции, обычаи, ценности и т. д.), их своего рода социальной экологии. Очевидно, что дискурсы и стратегии, направленные на последовательную рационализацию и систематизацию общественного бытия (имея исток в проекте модерна, подразумевающим «расколдовывание мира»), могут приобретать тоталитарный характер в том случае, если они не сопряжены с развитием структур гражданского общества (сфер приватности и общественности), со становлением свободного и ответственного индивида, с институциональным обеспечением его прав и свобод.

В заключение важно отметить, что в реалиях современного глобального мира с его интенсифицирующимися и одновременно модифицирующимися модернизационными процессами, сопровождающимися нарастанием противоречий, специфика легитимационных дискурсов и практик оказывается все более определяемой происходящей трансформацией самой структуры современной рациональности: от монологической, самоуверяющейся и стремящейся полагать себя и свои основания в себе самой, к коммуникативной, видящей всякую рациональность и ее основания в контексте интересубъективного взаимодействия, диалога. Коммуникативная установка, предполагающая сопряжение стратегического действия (целеполагание, целедостижение, результативность) и коммуникативной рациональности (ориентированной в русле диалога, поиска взаимопонимания, консенсуса), предстает в наличных реалиях в качестве своего рода императива социально-политического стратегирования.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр; Медиум Год, 1995. 334 с.
2. Болл Т. Власть // Политические исследования. 1993. № 5. С. 36–42.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный дом «Университет», 1997. 224 с.
5. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОС-СПЭН, 2005. 536 с.
6. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995. 280 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
8. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1 / сост., общ. ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М., 1991. С. 194–218.
9. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
10. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–28.
11. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
12. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. 252 с.

ON LEGITIMATION PRACTICES IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES

S.V. Kozlov

Tver State University, Tver

The article is aimed at socio-philosophical analysis of some important aspects of legitimation practices in the context of modernization processes. The social modernization is understood in a broad sense as the formation and development of the technological society. The author emphasizes the connection of these processes with the approval of the reflexive attitude towards traditions in public consciousness. Practices of legitimation are understood as the important mechanism of an institutionalization and reproduction of social reality. In this context, the problem of influence of the modernity period European

science and processes of rationalization on the life-world and practices of legitimation in society is examined.

Keywords: *processes of modernization, project of modernity, practices of legitimation, rationality and rationalization, life-world.*

Об авторе

КОЗЛОВ Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Author information

KOZLOV Sergey Valentinovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: koslovserg@yandex.ru